

АРА ЕРНДЖАКЯН

КТО ЕСТЬ КТО В ПЬЕСЕ ШЕКСПИРА “ГАМЛЕТ”

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ГОРАЦИО В ПЬЕСЕ ШЕКСПИРА “ГАМЛЕТ”

О самом знаменитом произведении Шекспира “Гамлет” написано много. Сомнения Принца датского уже несколько веков волнуют все человечество. Но тайна, окутавшая Эльсинор, не развеяна и по сей день. Видимо, настало время нестандартных прочтений, способных, подобно просветленному безумству Гамлета, осветить мрак в обители Датских королей.

Рассматриваемая версия, разумеется, не претендует на то, чтобы поставить все точки над “и” в пьесе. Возможно, многим она покажется недостаточно убедительной, однако, на наш взгляд, имеет достаточно серьезные основания, что подкреплено серией логических доказательств, и позволяет, как нам кажется, внести дополнительную логику в действия главных персонажей трагедии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общеизвестно, что литература, как и любая другая область человеческой деятельности, развивается в зависимости от целого ряда обстоятельств, в основном обусловленных характерными особенностями той или иной эпохи. (В древности, например, жили и творили совсем не так, как в Средневековье или в годы Реформации.) Тема и задачи, форма и стиль любого произведения являются типичными для своего времени и, как правило, подчиняются господствующим в данный период вкусам. Отдельные титаны, гением своим предвосхитившие собственное время, лишь подтверждают это извечное правило. Разумеется, они способны опередить, и притом намного, естественный ход событий, но в целом оторваться от своего века не удавалось никому, да и вряд ли это вообще возможно.

Таким образом, литература - это материализация мыслей и дум определенного поколения.

В этом смысле, бесспорно, не является исключением и одно из самых известных произведений литературного творчества - “Гамлет”.

Известно, что сюжет пьесы в общих чертах был известен очень давно.

Более того, древнее скандинавское сказание об Омлети (старинная форма имени Гамлета) послужило основой еще трех произведений, написанных в Дании, Франции и Англии, которые увидели свет раньше, чем пьеса Шекспира.

Первое из них принадлежит Саксону Грамматику - датскому историку-хронисту XII века. В нем рассказывается о злодейском убийстве правителя Ютландии своим братом, женившимся впоследствии на вдовствующей королеве, и о последовавшей затем страшной мести молодого Амлета (так автор назвал главного героя) за своего отца. Впоследствии это сказание легло в основу “Трагических повестей” француза Бельфоре (1576 год). А за 10 лет

до выхода в свет знаменитой трагедии Шекспира в Лондоне был поставлен спектакль о Гамлете по пьесе Томаса Кида, где на сцену выходил призрак несчастного отца, взывающий к мести. К сожалению, пьеса не сохранилась. Все три упомянутых произведения написаны в так называемом жанре трагедии мести, производном от популярной еще во времена Сенеки “кровавой трагедии”¹.

Нисколько не умаляя целый ряд очевидных достоинств этих творений, разукрашенных пышными монологами и торжественными клятвами, полных неистовой страсти в изображении горя или отчаяния, заметим, что ни автор “Деяний данов”, ни его коллеги по перу, верные историческим и литературным особенностям своих эпох, а также в силу своих способностей, не могли, да и вероятнее всего и не задавались целью показать в своих произведениях всю глубину человеческих отношений. Их более влекла возможность продемонстрировать ошеломленному зрителю каскад самых разнообразных ужасов, злодейств, убийств...

Уильям Шекспир был, если можно так выразиться, четвертым по счету (по крайней мере из известных исследователям) писателем, заинтересовавшимся злоключениями датского двора. К моменту создания своей пьесы он имел уже в своем распоряжении не только примерный каркас будущей трагедии, но и многие ее сцены². Так, очевидно, у Саксона Грамматика Шекспир заимствовал эпизоды братоубийства, женитьбы убийцы на вдовствующей королеве, мнимого безумия принца в целях конспирации, случайного убийства друга злодея, подслушивавшего разговор Амлета с матерью, высылки принца в сопровождении двух придворных с просьбой казнить его, подмены письма принцем и, наконец, осуществления мести. Следует также отметить наличие в повести “любвонной темы”³. А эпизод с призраком безвинно убиенного отца и сцену “мышеловки” - дворцового спектакля, разыгрываемого с целью разоблачить убийцу, Шекспир мог “подглядеть” в спектаклях Томаса Кида “Гамлет” и “Испанская трагедия”.

Однако, если бы Шекспир лишь строго следовал канве, разработанной предшественниками, вряд ли он обогатил бы человечество бессмертным произведением. В то время как повести Саксона Грамматика, жившего в Средневековье, или даже пьесы старшего современника великого английского драматурга, творившего на грани эпох, отличались схематизмом, условностью и ограниченностью кругозора, произведения самого Шекспира уже всецело принадлежат новому времени, проникнуты великими идеями гуманизма. И это естественно. В конце XV века в Англии, в силу известных причин, начинают распространяться античные литература и искусство. И здесь, как это случилось несколько ранее в Италии, происходит громадный переворот в сознании человека, складывается неизвестный доселе взгляд на мир.

Разумеется, весь этот процесс происходит в условиях жестокой травли со стороны церковных схоластов. Но если во времена Кида в Англии ученые еще только начинали борьбу за право изучать эллинистическую культуру, то уже в годы, непосредственно предшествовавшие созданию Шекспиром “ве-

¹ Сделать подобное предположение о потерянной пьесе Кида дает основание знакомство с единственным дошедшим до нас произведением автора “Испанской трагедии”, выдержанной, по выражению современников, в лучших традициях “трагедии грома и крови”.

² Многочисленные исследования дают основание полагать, что Шекспир был хорошо знаком с предшествующими работами.

³ Амлет женится на дочери английского короля.

ликой трилогии”, в Оксфорд совершенствоваться в греческом языке приезжает выдающийся гуманист Эразм Роттердамский...

Таким образом, эпоха поставила перед Шекспиром совершенно иные, гораздо более сложные цели и задачи, чем перед его менее именитыми предшественниками. И всеобъемлющий гений его блестяще разрешает их в огромном многообразии своего творчества.

Ранее уже отмечалось, что в основе произведений Саксона Грамматика, Бельфоре и, вероятно, Томаса Кида лежало осуществление кровной мести. Однако такая постановка вопроса вряд ли могла удовлетворить Шекспира, создавшего уже к этому времени в ряду свыше двадцати своих пьес “Ромео и Джульетту” и “Юлия Цезаря” и поставившего перед собой великую цель - прочистить “желудок грязный мира”, поэта, написавшего бессмертную фразу: “Он человеком был!”

Гамлет мыслился Шекспиром как произведение гораздо более масштабное, чем предыдущие пересказы скандинавской легенды, как философская притча о неустроенности мира, где семейная драма перерастает в общечеловеческую трагедию. Но не в “трагедию мести”, а в “трагедию духа”.

В пьесе Шекспира Гамлет не только мстит за убийство своего отца, он ищет и не находит пути к исправлению окружающего мира. “Гамлет” - это реакция драматурга на современную ему действительность и в то же время величайший гимн гуманистов всех времен.

Конечно, и другие произведения Шекспира из-за своих очевидных достоинств (постоянная напряженная игра мысли, глубокий психологизм образов, поэзия, каскад всевозможных драматургических приемов) по праву занимают высокое место в истории мировой литературы, но “трагедия разума”, в силу рассмотренных выше особенностей, была удостоена еще к тому же и чести назваться “вечным спутником человечества”.

Для реализации подобных космических задач, разумеется, мало было вырваться из узких тисков жанра “кровавой трагедии”, как это гениально было сделано им еще в “Ромео и Джульетте”. Необходимо было осветить своим гением вечные глобальные проблемы мироздания, создать произведение, рассчитанное не на сочувствие нескольких сот зрителей, а обращенное ко всему миру. И в этом ему, безусловно, помогло отмеченное многочисленными исследователями превосходное умение оперировать мыслью, играть ею, выстраивать из этих мыслей фантастическую мозаику.

Бесспорно, подобными качествами отмечены все работы поэта и драматурга. Однако в “Гамлете” этот факт становится особенно выпуклым и выразительным. Она, мысль, пронизывает всю трагедию с первого и до последнего акта. Философией проникнуты размышления всех главных действующих лиц пьесы, а что касается самого Гамлета, то редко какая фраза его не несет дополнительную смысловую нагрузку.

Здесь следует особо отметить следующее: сравнительный анализ всех произведений о Датском принце показывает, что они отличаются между собой в первую очередь именно трактовкой образа Гамлета. Если для его предшественников Гамлет являлся орудием мести, то для Шекспира - он рупор мыслей и идей. Гамлет у него не просто главный персонаж пьесы, он основной носитель философии самого автора.

Однако мысль сама по себе еще ничто. Лишь выраженная она может звать к действию. И Шекспир блестяще решает эту задачу. Он вводит в трагедию персонаж, с помощью которого мысли Гамлета получают гласность; в пьесе появляется Горацио - посредник между Гамлетом и остальным миром.

Заметим, что ни у Саксона Грамматика, ни у Бельфоре, ни, вероятнее всего, у Томаса Кида подобного героя нет. И это естественно. Ведь такой персонаж в стремительной, эмоционально накаленной атмосфере их произведений мог и должен был “тормозить” общий ход событий, что, конечно же, не отвечало бесхитростным замыслам авторов.

К сожалению, исследователи незаслуженно обошли вниманием этот довольно знаменательный факт. А ведь очевидно, что при общей схожести фабулы перечисленных выше произведений о Гамлете наличие образа Горацио в пьесе Шекспира резко меняет общую направленность всей трагедии.

“Дыши в суровом мире, чтоб мою поведашь повесть”, - требует от своего друга Гамлет.

Рассказать потомкам о трагедии, разыгравшейся в Датском королевстве, предупредить все человечество, разбудить его - вот задача, поставленная перед образом Горацио в пьесе.

Разумеется, ничего подобного нет и не могло быть у предшественников Шекспира, задачи которых были значительно скромнее. Так, например, у Бельфоре в аналогичной ситуации Гамлет обращается к своему дяде: “Расскажи своему брату, которого ты убил так жестоко, что ты умер насильственной смертью... пусть его тень успокоится”.

Таким образом, Шекспир ввел в известную фабулу повествования о скандинавском принце новый персонаж - Горацио. Очевидно, сделано это было не с целью изменить традиционный ход событий, а скорее для того, чтобы усилить смысловую нагрузку произведения. Давая Гамлету “возможность выговориться”, Шекспир наполнил пьесу самой высокой поэзией и, таким образом, использовал ситуацию для выражения собственных дум.

Одним словом, введением в готовый комплект действующих лиц конфликта дополнительного “нестандартного” образа, то есть и не злодея и не жертву, на которых, собственно, делятся все главные герои пьесы, Шекспир из заурядного сюжета создал глубочайшую человеческую трагедию.

Но подобная операция и связанная с ней вынужденная перестановка акцентов известной истории определенным образом повлияли на общую логику повествования. Ведь исходные данные характера главного героя, обстоятельства, которые складываются вокруг него, требуют, чтобы Гамлет немедленно перешел к самым решительным действиям. Однако в самый кульминационный момент он вдруг отступает, медлит. Складывается такое впечатление, что главная цель для Гамлета не убийство своего врага, не месть за несчастного отца, а выяснение некоей высшей истины. Поэтому широко распространено мнение, что в “Гамлете” сюжет не всегда согласуется с образом главного героя. В связи с этим ряд исследователей считает, что персонажи пьесы, в том числе и Гамлет, существуют на фоне некоего “поэтического” пространства, другие допускают существование в трагедии двух видов поэзии. Часть ее, по их мнению, относится к конкретному сюжету, сопровождает поступки действующих лиц трагедии; другая, более значительная, выходит за пределы данного конфликта и “обретает обобщенно символический смысл”.

Однако, отдавая дань наблюдательности авторов этих точек зрения, следует заметить, что все же несколько абстрактный характер подобных рассуждений не позволяет сделать конкретные выводы по данному вопросу. В то же время иная, отличная от существующей, более сложная и неоднозначная интерпретация образа Горацио дает, как нам кажется, возможность рассеять, в определенной степени, туман в обители Датских королей.

Для этого еще более четко определим круг “обязанностей”, возложенных драматургом на однокашника Датского принца. Как известно, Шекспир очень часто поручал своим персонажам исполнять в пьесах помимо основных функций роли вестников, по ходу действия информирующих героев драмы и зрителей о тех или иных событиях, происходящих в спектакле, о том, что еще должно произойти или произошло за кулисами. Вспомним эпилог герцога в “Мере за меру” или рассказание наемного убийцы Тиррела в “Ричарде III” и т.д.

Считается, что в “Гамлете” функции хора распределены между главными действующими лицами. Однако на самом деле ими наделены лишь Гамлет и Горацио. Более того, сам принц только в сцене “мышеловки” выступает в этой роли. Кстати, об этом прямо говорит Офелия:

Офелия

Вы отличный хор, мой принц.

Так что, фактически, всю основную информацию о происходящих и о предполагаемых в будущем событиях зрителю и персонажам сообщает в пьесе только Горацио. В том числе в прологе:

Горацио

... Я в этом вижу знак
Каких-то странных смут для государства...

и в эпилоге:

Горацио

То будет повесть
Бесчеловечных и кровавых дел...

Он же дает завязку всей пьесе, сообщая несчастному принцу о появлении в Эльсиноре призрака убитого короля.

Горацио

Мой принц, он мне явился нынче ночью.

Гамлет

Явился? Кто?

Горацио

Король, отец ваш.

Здесь очень важно отметить, что факт появления призрака во дворце сам по себе еще ничего не значил. Лишь сообщение о нем Горацио принцу послужило началом действия.

Далее Горацио предупреждает принца, что призрак может свести его с ума.

Горацио

Что если он...
... ввергнет вас в безумие?

Как известно, впоследствии Гамлет в самом деле лишается рассудка. Точнее - разыгрывает сумасшедшего, может быть даже используя идею, подсказанную ему предостережением друга. И об этом также впервые сообщает Горацио:

Горацио

Принц, это дикие бессвязные слова.

Из уст Горацио мы узнаем и о том, что произошло с Гамлетом во время его вынужденного путешествия в Англию (письмо принца). Он же сообщает, что предателей Розенкранца и Гильденстерна ждет заслуженная кара.

Горацио

Так Гильденстерн и Розенкранц плывут
Себе на гибель?

Все тот же Горацио предрекает печальный результат дуэли с Лаэртом.

Горацио

Вы проиграете этот заклад, мой принц.

Лишь о болезни Офелии сообщает некто Первый дворянин.

Первый дворянин

Она упорствует, совсем безумна...

Однако очевидна нецелесообразность введения дополнительного персонажа с буквально двумя репликами. Бесспорна и нелогичность присутствия Горацио в этой сцене, если, конечно, не он автор информации об Офелии. Вероятнее всего полагать, что наличие упомянутого персонажа в пьесе следует целиком отнести к “творчеству” горе-переписчиков знаменитой трагедии. Именно от Горацио, а не от кого-либо другого, мы должны были бы узнать печальное известие о возлюбленной принца.

Отметим также, что совершенное отсутствие поэтических образов в информационных репликах и монологах Горацио сильно напоминает классическое выступление античного хора. Вероятно, тем самым автор хотел еще больше подчеркнуть задачу своего героя.

Итак, практически доверив Горацио следить за развитием конфликта, Шекспир почти полностью освободил Гамлета от выполнения подобных обязанностей и дал ему возможность осмысливать мир, разобраться в окружающей действительности. Отсюда, вероятно, и его медлительность, о которой так часто упоминают исследователи. Дело в том, что Гамлета не волнует развитие действия - он занят решением гораздо более важных задач. А раз так, то “рассогласованность” сюжета и образа главного героя пьесы, отмеченная выше, выглядит весьма логично.

Что же касается наличия в пьесе поэзии разных типов, если можно так выразиться - поэзии действия и поэзии мысли, то, по-видимому, первую “обеспечивают” все действующие лица трагедии во главе с Горацио, а вторую - те же персонажи, но уже во главе с Гамлетом.

Итак, Шекспир ввел Горацио в давно укомплектованный предшественниками состав героев этой кровавой истории, во-первых, чтобы тот, взяв на себя роль вестника, самостоятельно “повел” сюжет трагедии, тем самым дав Гамлету возможность не ограничивать себя мрачными буднями Датского двора; и, во-вторых, чтобы, став посредником между принцем и миром, довести до всего человечества суть трагедии. Но тогда эти факты, а именно то, что Горацио “выполняет особое задание”, что он “чужой” в этой “компании” действующих лиц, должны были найти свое отражение в самом произведении.

Выше уже указывались средства, с помощью которых Шекспир подчеркивал роль Горацио-вестника. Отметим также его удивительную осведомленность: вернувшись накануне из далекого Виттенберга, он рассказывает офицеру Датского королевства подробности событий, происходящих в стране. Более того, оказывается, что Горацио помнит, как был одет Гамлет-старший в день своего поединка с отцом Фортинбраса.

Горацио

Такой же самый был на нем доспех,
Когда с кичливым бился он Норвежцем.

Произошел он, как известно, в тот день, когда родился Принц, который, есть все основания так считать, был ровестником Горацио, если, конечно, придерживаться общепринятой трактовки образа...

Попробуем теперь определить, в чем отличие образа Горацио от остальных действующих лиц пьесы и какое место он занимает в их ряду.

Итак, в пьесе показаны судьбы всех главных действующих лиц, кроме Горацио.

Все персонажи, кроме Горацио, что-то делают, у каждого есть конкретная цель.

Далее, Шекспир показывает развитие характеров всех главных участников конфликта, кроме Горацио (перечисление Гамлетом достоинств своего одноклассника, разумеется, никоим образом не восполняет этот пробел).

Зло поражает всех в этой трагедии (в том числе Гамлета и Офелию), кроме Горацио.

Язык всех обитателей Эльсинора, кроме Горацио, полон разнообразных поэтических приемов. Пожалуй, только в одном или двух местах он позволяет себе несложные метафоры.

Столкновение Гамлета с любым из главных персонажей, за исключением Горацио, являет собой не что иное, как безжалостный “поединок взглядов и чувств”.

Горацио - единственный человек, которому принц безоговорочно верит, видя в нем “воплощение лучших достоинств”. Только он в курсе всех намерений принца. И наконец, все главные герои гибнут, в живых остается лишь Горацио.

Известно, что структура драм Шекспира имеет, в основном, несколько пластов, на которых согласно своей значимости располагаются все главные действующие лица конкретной пьесы.

В частности, для “Гамлета” популярно следующее построение:

Гамлет

Король, Королева, Офелия, Лаэрт, Полоний
Горацио, Розенкранц, Гильденстерн

Однако, учитывая приведенные выше рассуждения об особой роли Горацио в пьесе, правильнее, по-видимому, было бы сгруппировать героев драмы несколько иначе:

Гамлет

Король, Королева
Полоний, Лаэрт, Офелия
Розенкранц, Гильденстерн

Горацио⁴

Причем Горацио здесь расположен не внизу ряда, а симметрично Гамлету. Проще говоря на дне, в котором все отражается.

Но кто же он все-таки, этот, пожалуй, самый загадочный персонаж шекспировской трагедии?! Согласно современной шекспирологии Горацио - одно-

⁴ Героев, занимающих промежуточные между Гамлетом и Горацио пласты, можно, видимо, перегруппировать и по-другому.

кашник и друг Гамлета, пассивный поверенный его дел. Однако ряд причин, уже указанных выше, дает нам все основания усомниться в справедливости такой скромной интерпретации этого образа, а некоторые данные, которые еще будут представлены в настоящем исследовании, позволят, как нам кажется, предположить, что прототипом Горацио является ни кто иной, как римский поэт I века до н.э. Квинт Гораций Флакк.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Известно, что творчество Шекспира, как и любого другого художника, было связано с естественным процессом познания жизни и менялось в тесной зависимости от возраста, особенностей окружающей среды, изменения общих взглядов на мир. Таков вечный ход поиска Истины.

Легкие солнечные блики карнавальных комедий первых лет, чудесно сплетенные с жестокой правдой английской летописи, постепенно сменяются сдержанностью и настороженностью более зрелых работ. А уже спустя всего несколько лет сознание утопичности идей гуманизма, разочарование миром окрашивают в мрачные тона безысходную атмосферу великих трагедий.

И, наконец, идея всепрощения в последних произведениях является естественным венцом жизненного и творческого пути великого Драматурга и Человека.

Но, разумеется, все эти умозаключения определяют лишь общую картину процесса творчества великого гуманиста. И чаще всего приходится только гадать, что явилось непосредственным поводом к созданию той или иной пьесы, выбору того или иного героя или формы и содержания диалога. Так или иначе, вероятно, есть все же смысл допустить, что именно молодость являлась источником бурного оптимизма его первых произведений. Вспомним также, что в это время Шекспир часто посещал дом графа Саутгэмптона - покровителя многих начинающих писателей. Это был дворец, в котором царил праздник - устраивались карнавалы, литературные вечера, слушали музыку...

Что касается того факта, что Шекспир в это же время увлекался не только комедией, то он также имеет вполне определенное объяснение.

В 80-ые годы XVI столетия жанр хроник, с легкой руки "бурного гения Возрождения" Кристофера Марло, пользовался большой популярностью⁵. Их более или менее успешно штамповали многие писатели самых разных творческих возможностей. Это объясняют, с одной стороны, резким подъемом патриотических чувств по всей стране⁶, с другой - возможностью с их помощью приобщить к исторической информации самые широкие слои публики. Как отметил современник, подобная форма драматургии "и невежд просветила, и неученым дала возможность узнать многие знаменитые истины".

Как видим, обращение Шекспира к жанру хроник также не было случайным. Более того, не исключено, что созданием некоторых из них он так или иначе откликнулся на события, происходящие в современной ему Англии. Так, знаменитое произведение "Ричард III" повествует о поражении ро-

⁵ К.Марло - автор пьесы "Эдуард II" - первой драматической хроники в английской литературе.

⁶ Толчком к этому послужила блестящая победа Англии над могущественной Испанией в знаменитой морской битве 1588г.

да Йорков в борьбе с Ланкастерами и возвращении последним, точнее Тюдорам - боковой линии этого рода, английской короны. И если учесть, что в то время английским народом правила королева Елизавета Тюдор, то можно допустить, что тема будущего произведения выбиралась Шекспиром с учетом, так сказать, политических особенностей текущего момента.

Впрочем, можно привести много других, гораздо более убедительных примеров подобного рода зависимости, не раз отмечавшихся исследователями в его творчестве. К примеру, результатом уже указанного знакомства поэта с графом Саутгэмптоном и его окружением являются его первые работы - "Венера и Адонис" и "Лукреция", на выбор античных сюжетов которых, бесспорно, оказала влияние атмосфера постоянного восхищения Италией в доме графа. Известно глубокое воздействие на творчество Шекспира французского мыслителя Мишеля Монтеня, весьма популярного в Англии в первой половине XVII века. Также отмечено было влияние книги путешественника Джордана "Открытие Бермудских островов" на сюжет "Бури" и т.д. Что касается "Гамлета", то и в этом случае можно предположить наличие ряда причин или поводов к созданию этого шедевра.

Действительно, после того как в 1576 году французский писатель Бельфоре воспроизвел в своих "Трагических повестях" скандинавское сказание, история злоключений Бедного Гамлета приобрела определенную известность в Англии.

Во всяком случае, имя Гамлет (или в просторечии Гамнет) пользовалось в ту эпоху популярностью. Так, в частности, звали не только многих друзей, но также и сына самого Шекспира (предполагается, что малыш получил это имя в честь друга семьи Шекспиров - Гамлета Сэдлера).

В год переезда Шекспира из Стрэдфорда в Лондон (1556 год) в столице состоялась премьера трагедии Томаса Кида "Гамлет". И хотя об этом спектакле известно очень мало, вполне можно допустить, что он не прошел бесследно для молодого драматурга.

В 1596 году умер единственный сын Шекспира - одиннадцатилетний Гамлет. Это случилось всего за несколько лет до выхода в свет первого издания трагедии. Тяжелое потрясение, вызванное утратой ребенка, так же могло найти отражение в творчестве писателя.

Итак, можно вполне допустить, что каждое из этих событий или их совокупность оказали известное влияние на выбор темы будущего произведения.

В то же время исследователи Шекспира не раз отмечали, что не только сюжеты, но и многие герои его произведений заимствованы из литературы, либо имели реальных прототипов в жизни⁷.

Не является в этом смысле исключением и самое известное произведение Шекспира - "Гамлет". Действующим лицам этой пьесы многочисленные исследователи, с определенными оговорками и допущениями, предлагают целую галерею первообразов.

Уже отмечалось, что Омлети - герой древних скандинавских сказаний. В то же время есть мнение, что прототипом Гамлета был принц Уэльский. Не менее обосновано желание ученых видеть прообразом Датского принца французского мыслителя Монтеня.

⁷ Замечено, например, сходство леди Макбет и Клитемнестры из "Агамемнона" Сенеки, Дисдемона впервые упоминается в новелле итальянца Чинтио, Ромеус и Джульетта - действующие лица поэмы Артура Брука, Лира - сына Бальдуда мы можем найти в "Хрониках" Холиншеда и т.д.

Далее можно с известной долей риска утверждать, что имя Офелия взято из популярного в то время в Англии пасторального романа итальянского писателя XV века Саннадзаро “Аркадия”.

Розенкранцем звали спутника датского посла, прибывшего в Англию по случаю вступления на престол в 1603 году Иакова I (впрочем, при сопоставлении дат выхода в свет трагедии и упомянутой коронации данная версия представляется маловероятной). Имя Гильденстерн встречается в списках датчан, путешествовавших по Англии. Эти имена значатся также в списках Падуанского и Виттенбергского университетов. В то же время так звали предков астронома Тихо Браге...

Следовательно, вполне можно допустить, что Горацио, действующее лицо пьесы, также имел своего прототипа. Кого именно? Для выяснения этого вспомним тот круг вопросов, в рамках которого действует студент из Виттенберга. Впрочем, исследователями было замечено, что “fellow student” (так Гамлет называет своего друга) можно перевести и как “студент-товарищ”, и как “коллега-ученый”. (Забегая вперед, заметим, что все биографы римского поэта Горация отмечают блестящее образование, которое тот получил в Риме и Афинах.)

Итак, Горацио должен “выстроить” сюжет трагедии и донести до потомков историю несчастий принца. Но тогда Шекспиру, очевидно, логичнее было бы доверить подобную миссию именно собрату по перу, то есть поэту-ученому.

Что, собственно, и было сделано. Так что слова Марцелла, обращенные к Горацио в начале пьесы: “Ты книжник... Горацио”, обретают в этом контексте более чем конкретный смысл. Что касается того, почему был выбран именно римский поэт, то для этого прежде всего вспомним эпоху, когда создавалась пьеса, и некоторые подробности биографии самого драматурга.

Возрождение! Не останавливаясь подробно на специфических особенностях этого времени, широко известных, отметим только увлечение античной литературой, искусством, философией. В частности, готовыми образцами для многих авторов Ренессанса явились произведения античных поэтов, в том числе Сенеки, Плавта, Теренция и др. Будучи одним из самых ярких представителей своей эпохи, Шекспир, естественно, и сам пользовался бесценным кладом гениальных предшественников.

Ведь как бы авторитетно ни выглядело замечание Бена Джонсона о том, что Шекспир плохо знал латынь, не следует умалять тот очевидный факт, что в стрэдфордской “грамматической школе”, где обучался драматург, язык древних римлян был основным предметом преподавания. И там в подлиннике штудировались произведения многих античных поэтов.

К тому же молодые годы, проведенные во дворце графа Саутгэмптона, бесспорно, должны были привить ему если не знания, то, по крайней мере, любовь к этой древней стране и ее поэтам.

Напомним здесь, кстати, что фабула “Венеры и Адониса” взята из десятой книги метаморфоз Овидия, а сюжет “Обещанной Лукреции” - у Тита Ливия. За чрезвычайную популярность этих поэм современники прозвали Шекспира “английским Овидием”.

Следовательно, есть все основания предположить, что поведать всему миру трагедию принца Шекспир поручил бы именно римскому поэту. В пользу подобного предположения говорит и то, что имена многих других героев рассматриваемой трагедии (Клавдий, Полоний, Марцелл, Франсиско и др.) также являются романскими. И потом, ведь этому персонажу необходимо

было в совершенстве знать латынь. Как никак разговоры с призраками в те времена велись исключительно на этом языке. Итак, римский поэт и, скорее всего, I века нашей эры. Не следует забывать, что именно этот век дал миру целую плеяду великих поэтов - Вергилия, Тибулла, Проперция, Овидия и, наконец, того же Горация. Здесь следует отметить, что в эпоху Возрождения Гораций был очень популярен (до этого его считали сложным). Более того, благодаря Петрарке он сделался любимым поэтом гуманистов. Во всяком случае, с изобретением книгопечатания он печатался чаще, чем любой другой автор. А если к тому же вспомнить, что Гораций в своем трактате о поэтическом искусстве уделил особое внимание теории драмы, то станет понятно, почему Шекспир всем другим поэтам предпочел именно его.

Продолжая знакомство с жизнью и деятельностью драматурга, можно отметить, что для подобного выбора имелись и другие причины. В частности, Горацию - герой "Испанской трагедии" Томаса Кида, пьесы, как было уже отмечено, оказавшей на Шекспира заметное влияние как раз при его работе над "Гамлетом". Далее, именно в годы создания знаменитой трагедии в столице Англии вспыхнула "война театров", которая воодушевила одного из зачинщиков знаменитой междоусобицы на создание пьесы "Виршеплет", где действующим лицом был поэт Гораций. Об этом упоминается в обзоре студентов Кембриджского университета: "Ах, этот Бен Джонсон - паршивый малый! Он вывел в своей пьесе Горация, который дает поэтам рвотное средство. Но наш коллега Шекспир дал ему такого слабительного, которое подорвало его репутацию".

Шекспир, очевидно, обратил внимание на то, что именно поэту Горацию, а не кому бы то ни было другому была доверена в пьесе особая миссия.

Поэт выходил в конце спектакля и заставлял Марстона-Виршеплета, противника Бена Джонсона, "извергнуть написанные им слова".

Не исключено, что именно этот любопытный факт мог сыграть определенную роль при выборе персонажа, достойного произнести эпилог трагедии. Позднее Шекспир вновь, на этот раз косвенно, обратился к римскому поэту, сделав Октавия и Мецената, покровителей Горация, действующими лицами трагедии "Антоний и Клеопатра". Впрочем, этот факт вряд ли заслуживает внимания.

А для того, чтобы допустить самую возможность присутствия древнеримского поэта в средневековой скандинавской легенде, необходимо рассмотреть еще одну особенность эпохи, в которой жил и работал драматург.

Известно, что история в те времена представлялась как перечень более или менее знаменательных дат или фактов и историчность никоим образом не касалась ни психологии героев произведения, ни их внешнего вида. Очень часто игнорировались самые элементарные археологические или географические данные. Однако подобный анахронизм имел место не в силу невежества, а скорее всего из-за особого мировоззрения художников той далекой эпохи, которым "прошлое мыслилось как подобие современности".

В частности, это в полной мере относится и к творчеству самого Шекспира, у которого, например, языческий оракул соседствует с художником эпохи возрождения, римские плебеи, не смущаясь, носят головные уборы XVI века, египетская царица Клеопатра увлекается бильярдом, изобретенным значительно позднее. Примеров подобного анахронизма в творчестве Шекспира более чем достаточно.

Таким образом, Шекспир вполне мог сделать действующим лицом своей пьесы о Датском принце человека, родившегося далеко за пределами Датского государства и жившего за много лет до описываемых событий, и, что

очень важно, драматургу было совсем не обязательно придавать этому персонажу черты соответствующей ему эпохи и страны. Или, говоря иначе, если бы Шекспир на самом деле сделал римского поэта одним из героев своей трагедии, то на внешности его, да и на поведении это бы особенно не отразилось. Ведь отправил же он принца Гамлета из древней легенды учиться в далекий Виттенберг, хотя впервые университет упоминается лишь в 1180 году.

Давно было замечено, что шекспировский “Гамлет”, являясь “одной из вершин реализма в мировой драме”, в то же время заключает в себе целый ряд всевозможных обобщений, символов, иносказаний, не всегда, на первый взгляд, ясных и доступных. Этот факт, конечно же, вдохновил и продолжает вдохновлять целую армию исследователей, пытающихся еще глубже разобраться в творчестве великого драматурга. (Замечательные слова: “Читайте его снова и снова”, из предисловия к первому Фолио, очевидно, были обращены не только к его благодарным читателям и публике.) Разумеется, ценность этих более чем двух тысяч трудов далеко не равноценна. Мягко говоря, спорными выглядят те или иные выводы и замечания отдельных “сенсационных” опусов, “обогащающих” биографию не только персонажей, но и самого Шекспира. Основываясь на второстепенных фактах, выстраиваются фантастические теории. Вероятно, подобное впечатление может оставить и предлагаемая работа. Ведь независимо от того, насколько убедительными или неубедительными выглядят рассмотренные выше доводы, возникает естественный вопрос, почему сам Шекспир прямо не указал всего этого в своей пьесе, как, скажем, это сделал его коллега триста лет назад в Италии, введя в “Божественную комедию” римского поэта Вергилия.

К сожалению, конкретная цель данного исследования не дает возможности подробнее остановиться на творческих замыслах гениального Данте, кстати, своим выбором, возможно, вдохновившего и английского драматурга⁸. Так или иначе, дальнейший анализ деятельности Шекспира, вероятно, позволяет привести несколько соображений по поводу такого умолчания автором относительно своей задумки.

Во-первых, как это уже отмечалось выше, в силу особенностей своего творчества, Шекспир и не собирался выделять по историческим или национальным признакам кого-либо из общей галереи персонажей своей трагедии. К этому можно добавить, что отсутствие подобной градации было вполне в духе принципов условного театра, популярного в Англии в конце XVI века и близкого творчеству самого Шекспира.

Далее, изменение политической обстановки в стране, статуса театра Бербеджа, где работал драматург, заставило его быть более осмотрительным. По крайней мере, сравнивая тексты двух вариантов “Гамлета”, исследователи отмечали, что в переработанном втором издании автор безусловно смягчил остроту многих реплик.

Конечно, невозможно прямо утверждать, что подобные соображения послужили причиной “маскировки” истинного “Я” однокашника принца. Возможно, разгадку этого вопроса несет в себе одна из многозначительных реплик типа: “Я должен молчать” или “О, я мог бы вам рассказать. Но пусть будет так... Остальное молчание”, и других, которыми пестрит данное произведение.

⁸ Имеется в виду выбор римского поэта I века до н.э. в качестве своеобразного партнера главного героя своего произведения.

Можно, в то же время, с известной долей риска говорить, что был определенный смысл в том, чтобы особенно не афишировать в те тревожные годы присутствие в пьесе римского поэта-бунтаря.

Продолжая цепь рассуждений на ту же тему, заметим также следующее.

Как известно, пьеса Шекспира попала к издателям из рук т.н. “пиратов пера” - тайных переписчиков пьес, которые прямо на спектакле скрытно от автора, пользуясь далеко не совершенными методами скорописи, записывали текст драмы.

Исследователи не раз отмечали связанные с этим пропуски, дополнения или прямые ошибки, искажающие истинный смысл того или иного произведения.

И, возможно, одна из этих неточностей скрыла от нас реплику, однозначно раскрывающую замысел драматурга относительно друга Гамлета. Во всяком случае, существует точка зрения, что в монологе Горацио в начале пьесы:

Горацио

Соринка, что затмила глаз рассудок,
В высоком Риме, городе побед...

между пятой и шестой строчками выпала по крайней мере одна строка. На это, как отмечал Аникст, “указывают метрические и иные соображения”. Однако в то же время тщательное изучение текста трагедии, а также биографии и творчества поэта Горация позволяют, как нам кажется, утверждать, что в “Гамлете”, при всех указанных недомолвках, ошибках издателей и т.п., есть достаточный материал для того, чтобы довольно уверенно отстаивать представленную в данной работе идею.

Так, если сопоставить основные моменты жизни римского поэта, его творчество, взгляды на жизнь, то они удивительным образом перекликаются с образом однокашника Гамлета.

Мы уже отмечали, что отец Горация-римлянина дал своему сыну хорошее по тем временам образование. Отметили также образованность Горацио. Поэт Гораций был свидетелем убийства Цезаря и позднее, воспев Августа и его пасынков, фактически стал “певцом рода Юлиев”. Может, не случайно поэту в пьесе Горацио упоминает Рим, и именно Рим времен Цезаря.

Здесь следует учесть, что Шекспир работал над “Гамлетом” после того, как закончил “Юлия Цезаря”, то есть еще под впечатлением событий, сотрясавших вечный город в его предыдущей пьесе. Кстати, разбирая документы о знаменитом сражении при Филиппах, он вполне мог встретить в них упоминания о Горацие - народном трибуне в войсках Брута.

В известном монологе Горацио говорит о мрачных перспективах датского народа. Вспомним, что Горация-римлянина также ужасала возможность гибели римского государства. Как известно, такое настроение было у поэта, когда он вернулся в Рим после амнистии. Любопытно, что Горацио-датчанин говорит о том же сразу после возвращения в Эльсинор.

Гораций-поэт, как мы знаем, почти не коснулся в своем творчестве любовной лирики. Горацио в трагедии также обходит стороной эту тему. Факт сам по себе не определяющий, но который мог бы, в то же время, подсказать Шекспиру данный выбор.

Философская мудрость Горация-римлянина заключалась в том, чтобы “жить незаметно”. Так же незаметно живет и Горацио. Он всегда на заднем плане, за исключением тех двух случаев, где ему предстоит выступить на первый план сначала в прологе пьесы, затем в эпилоге.

Поэт являлся, как известно, сторонником эпикурейской теории дружбы (третья сатира), то есть требовал “постоянства” и “снисхождения” к недостаткам друзей. Горацио в трагедии - единственный друг Гамлета, который “выдержал испытание временем”.

Античный поэт тяготел к философии стоицизма: “Хранить старайся духа спокойствие”.

О том, что Горацио - стоик, говорит сам Шекспир.

Нам известно высказывание римлянина о том, что все люди, за исключением стоиков, сумасшедшие. Может, именно поэтому Горацио и объявляет Гамлета, вследствие известия о страшном убийстве отца потерявшего “духа спокойствие”, безумным⁹.

Впрочем, Шекспир оговаривает эту мысль:

Гамлет

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что не снилось философии твоей.

Видимо, драматург имеет в виду то, что трагедия в Эльсиноре выходит за рамки разумения даже самого поэта Горация.

В конце пьесы, после возвращения из Англии, Гамлет уже перестает разыгрывать безумца. А значит, следуя теории Горация, есть все основания вернуть его в лагерь стоиков. Что, собственно, и происходит:

Гамлет

Нас не страшат предвестия,
и в гибели воробья есть особый промысел.
Если теперь, так значит, не потом...
Готовность - это все.

Следует особо отметить, что во времена Шекспира считалось, что “усваивая мораль стоицизма, уподобляешься великим людям древнего Рима”. Отсюда желание Гамлета быть ближе не просто к своему другу, но к римскому поэту.

В сатире 7 Гораций утверждает, что “господин остается рабом своих страстей”. В трагедии наследник датского трона также не волен распоряжаться собой.

Известно, что тяжелые испытания, выпавшие на долю поэта, не выковали из него бойца. В известной степени это относится и к Горацио. Вспомним сцену с призраком:

Горацио

Принц, не ходите...

а также сцену накануне дуэли:

Горацио

Если вашему рассудку чегонибудь не хочется, то
Слушайте его...

⁹ Интересно, что в период встречи с призраком Гамлет продолжает еще оставаться стоиком. Шекспир подчеркивает это фразой.

Гамлет: "... Надо записать, что можно жить с улыбкой..."

Фраза напоминает высказывание римского философа-стоика Псевдо-Плутарха:

"... на душе человек записывает каждую свою мысль, и его первая запись производится чувствами".

Стоит также отметить умение римского поэта “заставить различных действующих лиц самих выступать перед читателем”¹⁰. Вспомним Горацию, его замечательную способность “слушать” Гамлета.

Стихи Горация, как правило, имеют форму обращения. Поэт “адресует их некоему второму лицу”. Таким образом, в его лице Шекспир мог получить отличного исполнителя своей главной задачи - донести до потомков эхо кровавых ужасов Датского государства.

Что касается речи, то, как известно, римский поэт в своих произведениях нередко пользовался сентенциями. В “Гамлете” же вообще почти все говорят сентенциями.

Еще более однозначно выглядит известная характеристика, данная Гамлетом своему другу накануне дворцового представления.

Для удобства анализа разобьем монолог на части.

Гамлет

...Достатков нет за тобой,
а есть лишь здравый смысл, чтоб сытым
Быть и одетым...

Но приблизительно так же выглядит и теория поэта Горация о “довольстве малым”. В 6-ой сатире, в частности, он рассказывает, как сам ходит на рынок, чтобы обеспечить себя скромной пищей.

Гамлет

...Пусть роскошь глупую язык слащавый лижет
И гнутся гибкие колены там, где можно
Корысти ползаньем добиться...

Вспомним сходные мотивы у Горация:

“Роскошь персов мне ненавистна, мальчик...” и т.д.

В 5-ой сатире II книги римского поэта высмеивается лесть, подхалимство и подлость, на которую способны бесчестные люди в погоне за наживой.

Гамлет

Ты из тех,
Кто, все перестрадав, как будто не страдал,
Кто с равной благодарностью встречает
удары и дары судьбы...

Очевидно, драматург имеет в виду стойкость, с которой римлянин принимал превратности своей судьбы: более чем скромное происхождение, военная карьера у Брута, жестокое поражение при Филиппах, дары Мецената¹¹ и дружба с императором.

Более того, эти строки удивительно напоминают мысль самого поэта:

“Хранить старайся дух спокойствия
В тяжелом горе, в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием...”

Продолжим сравнительный анализ.

Гамлет

¹⁰ Имеется в виду диалогическая форма повествования.

¹¹ История покровительства Мецената поэту Горацию напомнила, вероятно, Шекспиру его отношения с графом Саутгэмптоном.

И счастлив,
 В ком кровь с рассудком слиты так удачно,
 Что дудкою в руках Фортуны он не станет
 Звучать по прихоти ее...

Известно, что поэт отклонил лестное предложение своего покровителя стать его личным секретарем. Чтобы сохранить свободу, он отказывался писать на официальные темы.

В одном из характерных для него монологов, обращенном к Горацио, Гамлет говорит:

Гамлет

...Будь человек
 Не раб страстей, - и я его замкну
 В середине сердца, в самом сердце сердца,
 Как и тебя.

Трудно представить, что подобные слова говорят о каком-то простом студенте, чьи биография и взгляды так и останутся неизвестными до самого конца пьесы. С драматургической точки зрения это было бы просто нелогично.

С другой стороны, если бы Шекспир по каким-либо соображениям действительно решил закодировать в своей пьесе образ поэта, характеристика Гамлета могла бы послужить дополнительным ключом к раскрытию первоначального замысла.

Интересно, что драматург, во избежание недоразумений, сразу предупреждает, что в его пьесе дан незавершенный образ поэта.

Бернардо

Скажи, что здесь Горацио?

Горацио

Нет, часть его.

Кстати, этот диалог уже много веков вызывает шумные споры в кругу шекспироведов. Предлагаются самые невероятные объяснения этой, в общем-то, незамысловатой реплики. Одни комментаторы полагают, что под словом "часть" Горацио имеет в виду свою руку, которую он протягивает для приветствия, другим кажется, что Горацио замерз и он шутит, что от него остался лишь "кусочек". Существуют также мнения, относящие эту безобидную фразу на счет глубины философской мысли и т.д. В русле же наших рассуждений ответ Горацио звучит вполне естественно и логично.

Следует отметить, что Шекспир уже в самом начале дает понять, что Горацио имеет с Данией мало общего. Вспомним, что на оклик Франсиско в начале пьесы: "Кто тут?", следует недвусмысленный ответ Горацио: "Друзья стране"¹².

А следующая за тем реплика королевского офицера Марцелла: "И люди датской службы", еще более подчеркивает тот факт, что на сцене подданные разных стран.

Чуть позже он с такой же ясностью отвечает Принцу:

Гамлет

¹² В оригинале это еще более откровенно "Friends to this ground".

Это очень странно.

Речь идет о призраке.

Горацио

Как то, что я живу...

В самом деле, Гораций Флакк давно умер, но, подобно Призраку, воскрес. Ведь если допустить, что в реплике присутствует некий философский смысл, то правильнее было бы, на наш взгляд, построить ее несколько иначе:

Как то, что мы! живем...

Но Горацио говорит лишь о себе (о поэте, жившем в I веке до н.э.). И в этом смысле реплика вполне корректна.

В свете подобных рассуждений становится ясно, почему в речах Горацио так много образов, связанных с античным миром. Это и “высокий Рим”, и “могучий Юлий”, и “влажная звезда, в чьей власти Нептунова держава”, и “предвестия злых событий, спешащие гонцами пред судьбой”, и “петух, трубач зари”, который будит “дневного бога” и другие.

Таким образом, подводя общий итог, еще раз отметим основополагающий, на наш взгляд, факт, что все в пьесе так или иначе указывает на то, что Горацио - римлянин. В то же время в ней нет практически ничего, что могло бы говорить о его датском происхождении. Следовательно, реплику великого Гете: “Он (Шекспир) превосходно изображал римлян!”, на наш взгляд с полным основанием можно отнести и к этому образу¹³.

Конечно, можно и далее продолжить цепь рассуждений, найти и привести новые доказательства, можно попытаться ответить на известные вопросы, связанные с образом Горацио (например, о прибытии его в Эльсинор, о первой встрече с Гамлетом и т.д.). Опираясь на вышеуказанное тождество, можно даже, слегка отвлечшись от основной темы, обратить внимание на то, что во II-ой сатире упоминается некто Офел, или, например, высказать предположение, что Марцелл не офицер, как это указано в пьесе (здесь также возможна ошибка издателей), а подобно Горацио друг и однокашник Гамлета. (Кстати, в Древнем Риме был поэт с похожим именем Марциал). Можно еще вспомнить и даже выразить недоумение по поводу того, что Шекспир не только назвал датского короля итальянским именем, но и прямо указывал на его происхождение: “Он возрос не в Эльсиноре, а, скорее всего, при дворе какого-нибудь маленького итальянского княжества”. (В связи с этим любопытно вспомнить римского императора Клавдия, который, чтобы выжить в царствование своего предшественника, симулировал подобно Гамлету безумие). Можно привести и много других примеров, однако, учитывая тот факт, что настоящая работа представляет собой лишь предварительный этап исследования данного вопроса, вероятно, имеет смысл пока ограничиться уже приведенными наблюдениями. Возможно, кстати, что они

¹³ Лишь один раз принц Дании в порыве чувств называет своего друга именем героя древнегреческой повести.

Гамлет: “Мой милый Дамон...”

Впрочем, здесь, возможно, Шекспира подвело, замеченное

исследователями, не всегда безупречное знание античной литературы и мифологии.

Ведь спутал же он Юнону с Венерой в комедии “Как вам это понравится?”

покажутся многим надуманными и не имеющими ничего общего с природой творчества Шекспира.

“Рассуждения иных толкователей выглядят так, будто Шекспир тщательно зашифровал те мысли, которые у него были по поводу драматических судеб его героев, и только они, эти критики, владеющие ключом к шифру, способны разгадать тайну, скрытую художником от всех... Такой подход противоречит природе искусства вообще и, в особенности, искусства Шекспира. Кто-кто, а Шекспир не скрывал своих драматургических намерений. Он, правда, не давал интервью, как драматурги нашего времени, не писал предисловий к своим пьесам и статей о драме, но со зрителем говорил начистоту”.

Эти замечательные слова принадлежат известному шекспироведу А. Аниксту.

Другие, не менее замечательные слова принадлежат Горацио:

“Я больше римлянин, чем датчанин!”

Таким образом, сам Горацио, как нам представляется, не делал секрета из того, кто он есть на самом деле. Секрета из этого не делал и Шекспир, назвав своего героя именем римского поэта!